

JOHN VERDON
LET THE DEVIL
SLEEP

MASTER**DETECTIVE**

ДЖОН ВЕРДОН НЕ БУДИ ДЬЯВОЛА

*Перевод с английского Екатерины Кузнецовой
под редакцией Александра Кабисова*

издательство АСТ

Москва

Пролог

Нужно было ее остановить.

Намеки не помогли. По-хорошему она не понимала. Требовались жесткие меры. Нужны были драма и однозначность — и понятное всем объяснение.

Понятное — вот что главное. Чтобы не осталось места вопросам и сомнениям. Чтобы полиция, журналисты и эта любопытная дурочка — чтобы все они ясно поняли, что он имеет в виду и насколько это важно.

Он задумчиво посмотрел на желтый блокнот и написал:

Немедленно сворачивайте свой гнусный проект. То, что вы делаете, — чудовищно. Ваш проект воспекает худших людей на земле. Вы насмехаетесь над моей жаждой справедливости, восхваляя преступников, которых я уничтожил. Вы превозносите худших из худших. Этому не быть. Я этого не потерплю. Десять лет я жил в мире, зная, что достиг цели, зная, что оставил свое послание миру и добился справедливости. Не вынуждайте меня снова братья за оружие. Расплата будет ужасна.

ДЖОН ВЕРДОН НЕ БУДИ ДЬЯВОЛА

Он перечитал написанное. Медленно покачал головой. Не тот тон. Вырвал листок и сунул его в шредер рядом со стулом. Потом начал заново:

Прекратите это занятие. Прекратите немедленно, бросьте все. Иначе снова прольется кровь, еще больше, чем прежде. Берегитесь! Не нарушайте мой покой.

Уже лучше. Но все равно не то.
Нужно добить это письмо. Чтобы стало совсем четко.
Недвусмысленно. Яснее ясного.
А времени в обрез.

Глава 1

Весна

Французские двери были распахнуты.

Стоя у кухонного стола, Дэйв Гурни хорошо видел окрестности: на полях снег уже сошел, лишь в лесу, в самых тенистых его уголках, упрямыми ледниками виднелись последние белые пятна.

В просторную кухню фермерского дома проникали терпкие весенние запахи: свежей земли, неубранного прошлогоднего сена. Колдовские запахи — когда-то от них захватывало дух. Но теперь они мало его занимали. Ну приятно пахнет. И что?

— Ты бы вышел во двор, — предложила Мадлен, ополаскивая миску из-под хлопьев. — Смотри, какое солнце. Красота.

— Вижу, — ответил он, не трогаясь с места.

— Выпить кофе можно и на террасе, там есть кресла, — продолжала она, поставив миску в сушилку. — Тебе полезно солнце.

— Хм, — он неопределенно кивнул и отхлебнул из кружки. — Это тот же кофе, что мы пили раньше?

— А чем он тебе не нравится?

— Я не говорил, что он мне не нравится.

— Да, это тот же кофе.

Он вздохнул.

— Я, наверно, простудился. Уже пару дней все безвкусное.

Она оперлась о раковину и обернулась к нему.

— Тебе надо чаще выходить. И что-нибудь делать.

— Да-да.

— Я серьезно. Нельзя сидеть сиднем и смотреть в одну точку. Так и заболеть недолго. Вот тебе и нездоровится. Ты, кстати, перезвонил Конни Кларк?

— Перезвоню.

— Когда?

— Как настроение будет.

Впрочем, не похоже было, что в обозримом будущем настроение появится. С ним не складывалось в последнее время, вот уже полгода. После странного дела об убийстве Джиллиан Перри, из-за которого он получил несколько ранений, Гурни словно полностью отстранился от обычной жизни, от планов и повседневной рутины, от людей и звонков, от всех обязанностей. И уже казалось, что предел мечтаний — это календарь без единой пометки, ни тебе дел, ни встреч. Он стал считать свою отстраненность свободой.

Вместе с тем ему хватало ума признать, что это ненормально и что в такой свободе нет покоя. Он чувствовал не безмятежность, а враждебность.

Отчасти Гурни даже понимал эту странную энтропию, понимал, что вывело из строя его жизненный механизм и довело его до изоляции. По крайней мере, он смог бы составить список причин своего нынешнего состояния. Начал бы со странного звона в ушах,

преследовавшего его после комы. Вероятно, всему виной были события, произошедшие двумя неделями раньше, когда в маленькой комнате в него трижды выстрелили, почти в упор.

На что похож этот несмолкающий звук (то есть, конечно, вовсе не звук, объяснил лор, а отклонение в нервной системе, которое мозг воспринимает как звук), сказать было трудно. Высокий, тихий, по тембру — как если чуть слышно напевать одну ноту. Подобный симптом нередко встречался у рок-музыкантов и ветеранов войн, но физиологические причины его оставались неясными и лечению он, как правило, не поддавался.

— Вообще-то, детектив Гурни, — заключил врач, — после всего, что вы пережили, после таких ранений и комы вам чертовски повезло, что вы отделались лишь тихим звоном в ушах.

Не поспоришь. И все же нелегко было привыкнуть к тому, что и в полной тишине тебя преследует это тихий свист. Особенно это мешало по ночам. Днем звук был отдаленным, словно где-то закипает чайник, в темноте же он заполнял собой все пространство, сковывал Гурни зловещим, стальным холодом.

А еще были сны. Мучительные сны, от которых начиналась клаустрофобия, обрывки больничных воспоминаний: как он не мог пошевелить загипсованной рукой, как трудно было дышать. Проснувшись, Гурни долго не мог отойти от кошмара.

На правой руке у него так и осталось онемевшее пятно в том месте, куда, раздробив запястную кость, вошла первая пуля. Он постоянно, чуть ли не ежечасно, трогал это пятно, надеясь, что онемение прошло,

а то еще и боясь, как бы оно не расплзлось дальше. То и дело его мучила боль в боку — острая, всегда внезапная, там, куда попала вторая пуля. А середина лба, на линии роста волос, куда вошла третья, проломившая череп, слегка чесалась, но почесать не помогало.

Пожалуй, самым печальным последствием этого ранения стала патологическая потребность быть при оружии. На работе он носил пистолет лишь по долгу службы. В отличие от многих копов он никогда не питал любви к стволам. Выйдя в отставку после двадцати пяти лет работы, он расстался с золотым значком детектива и освободился от обязанности носить оружие.

Но потом его подстрелили.

И теперь каждое утро он пристегивал к ноге маленькую кобуру с “береттой” 32-го калибра. Он ненавидел эту свою потребность в оружии. Ненавидел внутреннюю перемену, из-за которой не мог больше обходиться без треклятого ствола. Надеялся, что мало-помалу тягостная зависимость сойдет на нет, но пока что надеялся понапрасну.

В довершение всего ему казалось, что Мадлен смотрит на него с какой-то новой тревогой. Эта тревога не была похожа ни на боль и панику тех дней, когда он лежал в больнице, ни на смесь надежды и волнения, которые он видел у нее на лице, выздоравливая. Это было что-то другое, тише и глубже — постоянный, едва скрываемый ужас, будто у нее на глазах происходит что-то страшное.

Он допил кофе в два глотка, так и не отходя от кухонного стола. Отнес кружку в раковину, включил горячую воду. Слышно было, как в прихожей возится

Мадлен, чистит кошачий лоток. Кошку завели недавно, по инициативе Мадлен. Гурни не понимал, зачем ей это понадобилось. Может, она хотела его подбодрить? Думала, что ему полезно отвлечься на кого-то, кроме себя? Если так, то ничего не вышло. Кошка его интересовала не больше, чем все остальное.

— Я в душ, — объявил он.

Мадлен что-то ответила из прихожей, кажется “хорошо”. Точно он не расслышал, но переспрашивать было незачем. Он направился в ванную и включил воду.

Долгий, горячий душ. Живительные струи лились Гурни на спину, расслабляя мышцы, расширяя сосуды, прочищая мысли и пазухи, даря благодатное ощущение здоровья — восхитительное, но мимолетное.

Когда он, одевшись, вернулся к французским дверям, в сердце у него вновь проклевывалась тревога. Мадлен уже вышла на террасу, отделанную голубым камнем. Дальше находился клочок земли, которому два года усиленной стрижки придали некое сходство с газоном. Мадлен, в холщовой куртке, оранжевых тренировочных штанах и зеленых резиновых сапогах, шла по краю террасы, с энтузиазмом втыкая лопату через каждые несколько дюймов, проводя границу между плиткой и газоном, срезая чересчур разросшиеся корни. Она взглянула на мужа, явно приглашая разделить труды, но он не выказал никакого интереса, и энтузиазм в ее глазах сменился разочарованием.

Гурни раздраженно отвернулся, и взгляд его упал на зеленый трактор рядом с амбаром у склона холма.

Мадлен проследила за движением его взгляда.

— Я тут подумала, не получится ли у тебя на тракторе выровнять колеи?

— Колеи?

— Ну там, где мы паркуемся.

— Конечно, — вяло отозвался он. — Да, пожалуй.

— Но это не срочно.

— Хм.

Спокойствие, наступившее после душа, окончательно покинуло Гурни при попытке сосредоточиться на сломанном тракторе. Что трактор сломан, он обнаружил с месяц назад и успел об этом благополучно забыть, лишь иногда накатывала паранойя, и тогда эта загадка сводила его с ума.

Мадлен пристально смотрела на него.

— На сегодня, пожалуй, хватит, — сказала она. Затем улыбнулась, отложила лопату и направилась к боковой двери, чтобы снять сапоги в прихожей и уже оттуда зайти в кухню.

Гурни глубоко вздохнул и вновь уставился на трактор, в сотый раз пытаясь понять, отчего так странно заклинило борону. И вдруг, словно по злему умыслу, солнце закрыла черная туча. Весна как пришла, так и ушла.